

Сладкая Арман

АЛЫЙ РАССВЕТ БУДУЩЕГО

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А83

А83 **Арман С.**
Алый рассвет будущего / Сладкая Арман – М.: Литнет, 2026. – 232 с.

ISBN 978-5-521-94868-0

Жизнь – ад, а шанс – ложь? Мир после Катастрофы расколот надвое: избранные «Совершенные» купаются в роскоши, а остатки человечества гнут спины на руинах. Я – одна из этих теней. Каждый год нам бросают кость – Игры Алого Рассвета. Два победителя получают билет в небоскрёбы, в райскую жизнь. Когда объявили мой номер, я поверила в чудо. Но Игры оказались лишь жестокой ширмой. Теперь я должна не просто выжить, а раскрыть чудовищную тайну. Иначе я умру, так и не узнав: есть ли в этом аду хоть капля надежды, или победитель здесь – лишь красивая легенда?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94868-0

© Литнет, 2026
© С. Арман, 2026

Глава 1

Клара

Песок. Он везде. Впивается в потрескавшиеся губы, скрипит на зубах, слепит глаза, забивается под обтрепанные обмотки на ногах. Он не просто под ногами – он в воздухе, в горле, в самой душе. Ощущение вечной, непроглядной грязи. Я прижалась спиной к шершавой, раскаленной бетонной плите, единственному укрытию на этом участке, и пыталась перевести дух. Воздух был густым и тягучим, пахший озоном после недавней кислотной бури и вечным смрадом гнили и пепла. Сектор семь. Моя родина. Моя тюрьма. Сквозь щель в плите я наблюдала за целью. Развал старого хаб-центра. Когда-то здесь кипела жизнь, текли реки данных, а теперь это была лишь груда искорёженного металла и пластика, усеянная острыми, как бритва, обломками. Но даже здесь можно было найти сокровища. Неприкосновенный блок питания. Кусок медной проводки. А если очень повезет – консервную банку с тушенкой времен До Катаклизма. Легендарная удача.

Сердце колотилось где-то в горле, выбивая нервный ритм. Каждый выход за пределы условно безопасной зоны – это русская рулетка. Не только из-за обвалов и зараженной радиацией пыли, но и из-за них. Других. Голодные, отчаянные, готовые перерезать глотку за пол-литра чистой воды. Я сжала в руке заточку – длинный, отполированный до блеска обломок титанового сплава. Холод металла успокаивал. Он был частью меня, продолжением руки. Инструмент и оружие. Как и я сама. Инструмент для выживания. Резкий порыв ветра донес со стороны трущоб знакомый звук – приглушенные крики, звенящий, металлический скрежет. Стычка. Я вжалась в бетон, стараясь стать еще меньше, еще незаметнее. Выживание здесь – это искусство быть тенью. Невидимкой. Никем.

Именно в такие моменты я особенно остро чувствовала взгляд. Не физический, а тяжелый, давящий взгляд небес. Где-то там, высоко-высоко, за ядовитыми оранжевыми облаками, висел он. Элиум. Остров-ковчег. Рай, отлитый из хрома и стекла, где нет песка в зубах и боли в пустом желудке. Где живут они. Совершенные.

Мы были для них призраками, тенями на руинах их прошлого мира. А они для нас – жестокими, капризными богами, которые лишь изредка напоминали о себе, сбрасывая с неба гуманитарный блок с просроченными пайками или... объявляя Игры.

Мысль об Играх заставила меня сглотнуть комок пыли. Алый Рассвет. Ежегодное кровавое жертвоприношение, призванное поддерживать миф о справедливости. Десять юных и сильных из Секторов. Пять на пять. Победитель – один. Его ждет жизнь в Элиуме. Его ждет все. Все, кроме правды.

У меня была своя причина ненавидеть и бояться Игр. Лиза. Моя младшая сестра. Ее номер выпал три года назад. Ее сияющие, полные надежды глаза в день отбора. Ее последняя улыбка. И ничего больше. Ни имени в списках победителей, ни тела, ни весточки. Она растворилась в сиянии Алого Рассвета, как и десятки до нее. Съедена красивой сказкой.

Внезапно мои мысли прервал шорох справа. Не случайный, не ветром нанесенный. Целенаправленное, осторожное движение. Я замерла, превратившись в слух. Сердце застучало громче, заглушая вой ветра. Из-за выступа выползла фигура. Тощий, как скелет, подросток с лихорадочным блеском в глазах. Он не видел меня, его взгляд был прикован к тому же развалу, что и мой. В его руке был зажат самодельный нож – ржавая пила, примотанная к палке. Добытчик. Как я.

Он сделал неверный шаг. Раздался сухой, громкий хруст – он наступил на чей-то высохший череп, присыпанный пеплом. В ту же секунду из-за груды арматуры метнулась тень. Большая, быстрая. Это был Брут. Полубезумный гигант из банды «Костоломов»,

что промышляла в этом районе. Он не говорил, только рычал. Его мускулы вздувались под грязной кожей, шрамы сливались в единую уродливую маску.

Парнишка даже пискнуть не успел. Брут навалился на него, как бульдозер. Раздался отвратительный, влажный хруст, короткий, обрывающийся визг. И потом... тишина. Прерываемая только тяжелым дыханием Брута и звуком разрываемой плоти.

Моя рука с заточкой дрожала. Я закрыла глаза, прижавшись лбом к горячему бетону, пытаюсь загнать обратно подкативший к горлу ужас. Это был обычный день. Обычная смерть. Ничего особенного. Когда я снова рискнула выглянуть, Брут уже ушел, волоча за ногу свою добычу. На песке осталось лишь ржавое пятно и несколько осколков кости.

Пора было уходить. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая ядовитое небо в цвет синяка – грязно-фиолетовый с кровавыми подтеками. Ночь в Секторе принадлежала не людям. А тем, кто похуже. Я оттолкнулась от плиты и, пригнувшись, побежала прочь от этого места, от запаха свежей крови, от воспоминаний. Ноги сами несли меня по знакомым, гиблым тропам, обходя зыбучие пески с ржавыми иглами, торчащими из них, и провалы, на дне которых шевелилось что-то липкое.

Лагерь. Назвать это лагерьем было слишком громко. Несколько полуразрушенных труб теплотрассы, накрытых брезентом и кусками рифленого пластика. Дымок от костра, на котором что-то варилось в продырявленной канистре. У входа сидел старик Ефим, чистил самодельную винтовку. Он кивнул мне, его лицо, испещренное шрамами и морщинами, не выражало никаких эмоций. «Костоломы» находились рядом. Брут уже развешивал на просушку окровавленные тряпки. Я прошла мимо, не встречаясь с ним глазами. В нашей трубе было тихо. Я пролезла внутрь, в почти полную темноту, и с облегчением прислонилась к прохладному металлу. Дрожь наконец начала отпускать. Я вытащила из потайного кармана

свою добычу – маленькую, помятую банку. Без этикетки. Внутри что-то болталось. Не угадать, что.

Именно в этот момент по всему Сектору, от края и до края, загудели динамики. Скрипучий, шипящий голос, знакомый до боли. Голос диктора, вещавшего с Элиума.

– Внимание, жители Секторов! Внимание! Завтра наступает день Великого Милосердия! День Алого Рассвета! Приготовьтесь к трансляции!

Я зажмурилась, пытаясь заткнуть уши. Нет. Только не это. Не сейчас.

Голос продолжал, слащавый и торжественный.

– Десять из вас обретут шанс! Шанс на жизнь, о которой вы не смеее и мечтать! Шанс войти в ряды Совершенных! И помните...

Я уже знала, что будет дальше. Знаменитый девиз, который нам вдалбливали с детства – в Элиуме нет слабых. Есть только достойные.

Трансляция закончилась с резким щелчком. В лагере воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь треском костра. Все замерли. В глазах одних – тупое безразличие, других – жадная, безумная надежда. Лотерея. Единственный божий промысел, в который еще верили. Я сжала банку так, что острый край впился в ладонь. Боль была реальной. Осязаемой. В отличие от этой лживой сказки.

– Достойные, – с горькой усмешкой прошептала я в темноту. – Достойные чего? Быть растерзанными на потеху жирующим уродам?

Я посмотрела на свою дрожащую, испачканную в грязи и крови руку. На банку с неизвестной дрянью. На тьму вокруг. Это была не жизнь. Это был медленный, мучительный распад.

Внезапно динамики заговорили снова. Но на этот раз голос был другим. Мужским, гладким, холодным, как лезвие. В нем слышалась неподдельная скука и абсолютная власть. Я никогда не слышала его раньше.

– Коррекция к объявлению, обитатели Секторов. Отбор будет произведен не завтра. Он начнется сейчас, – в воздухе повисло недоуменное напряжение. Что это значит? – Система уже ведет подсчет. Номера будут объявлены немедленно. Приготовьтесь.

Мое сердце заколотилось с бешеной скоростью. Это было не по правилам. Из динамиков послышался механический щелчок, затем мерный, электронный голос, бездушно произносящий цифры.

– Сектор семь. Идентификационный номер: Семь-девять-ноль-три-ноль-один.

Время остановилось. Воздух вырвался из моих легких. Это был не просто номер. Это был мой номер. Где-то вдалеке кто-то взвизгнул. Кто-то зарыдал. Кто-то начал материться. А я просто стояла посреди своей нищей, вонючей норы, сжимая в одной руке заточку, а в другой – помятую банку с пайком, и не могла пошевелиться.

Голос из динамика повторил номер, растягивая цифры, словно вкушая их.

– Семь-девять-ноль-три-ноль-один. Клара. Приготовьтесь к извлечению.

Внезапно снаружи, прорезая багровое небо, ударил ослепительный луч белого света. Он метался по лагерю, выхватывая из мрака испуганные, перекошенные лица, клочья брезента, ржавые трубы. Он искал меня. Я упала на колени, ослепнув от этого адского сияния. Это был луч прожектора тюремной вышки. Он нашел меня, пригвоздил к земле. И в этот миг, заглушая гул двигателей спускаемого аппарата, я услышала его снова. Тот самый, холодный, гладкий голос. Он звучал уже тише, словно обращаясь лично ко мне, сквозь хаос и шум.

– Добро пожаловать на Игры, Клара. Не разочаруй меня.

Сердце замерло. Не «нас». «Меня». И я, дура, заложница собственного ужаса, в последний раз взглянув на свой жалкий «дом», на банку в руке, на окровавленную ладонь, позволила себе на секунду поверить. А потом свет поглотил все.

Глава 2

Дон

Боль была точкой отсчета. Боль в ребрах была первым, что я ощутил, возвращаясь к сознанию. Тупая, разламывающая, с каждым вдохом. Не смертельно. Просто очередной шрам, который скоро станет частью пейзажа моего тела. Я не спал. Дремал, удерживая разум на плаву в ледяной воде усталости. Полузабытье – единственная роскошь, которую я мог себе позволить. Мой отец был солдатом. И дед. Я не знал другой жизни. Меня уважали и боялись. Я лишь выполнял свою функцию чистильщика. Так было проще. Не чувствовать. Не помнить. Не надеяться.

Моя берлога – ниша в бетонной стене на третьем ярусе Блока «Сигма». Сектор три. Не трущобы. Казарма. Воздух впивался в ноздри едкой смесью оружейной смазки, пота и сладковатой лжи дезинфектора. Он никогда не перебивал запах смерти. Лишь маскировал его, как дешевые духи – вонь разложения. Я открыл глаза, отодвинув грубый брезент, служивший дверью. Никакого личного барахла. Весь мой скарб – на мне: потертая униформа, ботинки, в которых можно было раздавить череп, тактический жилет. Винтовка лежала рядом, стволом ко мне, чтобы схватить ее одним движением. Продолжение руки. Надежнее руки. Ребра ныли, напоминая о вчерашнем. Глубины. Встреча с теми, кого мы зовем мутантами. Они уже не люди. Быстрые, зубастые тени. Я прикончил троих. Четвертый успел ударить. Ребра. Моя команда ушла без потерь. Для здешних мерок – праздник.

Спустился вниз, встроился в очередь за пайком. Безвкусная паста, похожая на шпаклевку. Вода, отдающая хлоркой. Я ел, прислонившись спиной к стене, глазами прочесывая пространство. Привычка.

Рядом двое молодых, с еще не потухшими глазами, шептались. – В Элиуме, слышал, целый модуль на двоих дают победителю...

– Главное – шоу. В прошлом году тот парень с Пятого...

Я отвернулся. Игры Алого Рассвета. Лотерея для идиотов, верящих в сказки. Для меня Элиум – не рай. Он – враг. Самый лживый и ненавистный. Они сидят за своим стеклом, смотрят, как мы горим, и аплодируют. Я видел записи. Это не испытание силы. Это цирк. Психическое растление. Участвовать – значит, признавать их право судить. Я бы предпочел сдохнуть в Глубинах, сражаясь с настоящими чудовищами.

Меня вызвал Гнар. Командир. Его лицо – карта старой войны.

– Дон. Глубины. Сектор Гамма. Пропала группа наших. Найти следы. Вернуть данные. Ликвидировать угрозу. Ты, Рорк, Лиана, – приказал он.

Я кивнул. Лишних слов не было. Глубины. Нижние уровни, где начинается ад. Там свои законы. И свои твари.

Через пятнадцать минут мы уже пробирались по аварийному тоннелю. Свет фонарей на шлемах выхватывал из мрака ржавые балки и лужи неведь чего. Воздух густел, становился влажным, пах плесенью и металлом. Рорк, здоровенный детина с автопушкой, шел первым. Лиан, цепкая и быстрая, замыкала. Я – в центре. Мои глаза, мои уши ловили каждый шорох.

Мы нашли их. Вернее, то, что осталось. Кровавое месиво на стенах. Разорванное снаряжение. Данных нет. Только тишина. Давящая, как свинец.

– Черт! – выругался Рорк, сжимая ствол.

– Тише, – бросил я сквозь зубы.

Нервы натянуты струной. Я не боялся смерти. Боялся бесполезности. Эта смерть была бесполезной.

И тогда мы услышали. Скребущий звук, будто точили когти о бетон. Со всех сторон. Из вентиляции, из проломов.

– Круг! – рыкнул я, прижимаясь спиной к спине с ними.

Они вышли из тьмы. Десятки пар светящихся глаз. Длинные костлявые конечности с лезвиями вместо суставов. Твари – генети-

ческие мутанты, смесь приматов со скорпионами. Началась мясорубка. Грохот выстрелов, дикие вопли, крики. Рорк строчил, создавая стену огня. Лиана била короткими, точными очередями. Я работал холодно. Каждый выстрел – в цель. Экономил патроны. Расчет.

Одного достал ножом – тяжелым, с зубринами. Тварь взвыла, когда сталь вошла в шею, и рухнула, захлебываясь черной жижей. Но их было слишком много. Рорк взревел, получив когтем по руке, и уронил пулемет. Лиана вскрикнула – острый шип пронзил ей плечо. Я остался один. Сжатый в кольцо. Дрался молча, с яростью загнанного зверя. Ребра горели огнем. Чувствовал, как когти рвут жилет, как что-то жалит в бедро. Мир сузился до вспышек выстрелов и мелькающих чудовищ, которых нужно было уничтожить.

Не знаю, сколько это длилось. Когда появился свет, я решил, что это галлюцинация. Ослепительный луч, пронзивший тьму. И голос. Чистый, без помех, с небес.

– Сектор три. Идентификационный номер: три-восемь-два-пять-три-семь. Дон. Процедура извлечения.

Голос был так не к месту, так абсурден здесь, посреди ада, что я на миг замер. Это мое имя. Мой номер. Здесь. Твари тоже замедлились, ослепленные.

И тогда я увидел его. На стене возникла голограмма. Человек в безупречном белом костюме. Худое, утонченное лицо. Холодные глаза, которые смотрели прямо на меня, сквозь грязь и кровь. Ведущий игр. Кассиан.

– Поздравляю, боец, – произнес он, и в голосе слышалась язвительная усмешка. – Ты только что выиграл в лотерею.

Сверху что-то щелкнуло. Раздался высокочастотный вой. Мутанты взвыли и, как тараканы, рассыпались по щелям. Наступила тишина. Гнетущая. Свет прожектора все еще держал меня среди трупов. Бедро горело.

Бесшумно, спустился блестящий шар. Из него вышли двое в стерильных костюмах с эмблемой Элиума. Они смотрели на меня как на образец.